

ХУРТУМЪ И ЁРШИКЪ ¹⁾.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Какъ-то замѣтивъ, что нѣмка страшно боится лошадей, Ражанцовъ передъ посѣщеніемъ Юрія поставилъ къ коновязи, которая была у самыхъ дверей конюшни, вороного «Кабардинца». Опытъ удался.

— Юра! Юра! Sie sind hier? (*Вы тутъ?*) кричала нѣмка, стоя поодаль и не рѣшаясь пройти въ дверь мимо зада лошади.

Пріятели сидѣли въ своей засадѣ, боясь шелохнуться. Даже «Хуртумъ», какъ бы понимая всю важность молчанія, пересталъ хрустѣть сахаромъ.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 8.

— Юрій, Ich frage Sie, ob Sie hier sind? (*я васъ спрашиваю: вы здѣсь?*) возобновила послѣ нѣкотораго молчанія нѣмка. Sie geben kein Antwort! Sie verstecken sich! Wie schön ist das? Ich gehe sofort zum Vater. Mag er Sie aus Ohr ziehen (*Ахъ, вы не хотите отзыватьсь! Вы прячетесь! Такъ хорошо-же, я сію минуту иду къ отцу. Пусть онъ вытащитъ васъ за уши!*)

Однако къ отцу она не пошла, а, обойдя конюшню, въ надеждѣ черезъ окна увидѣть, что творится внутри, снова завопила:

— Ich sage es Ihnen zum letzten Mal, schlechter Junge, kommen sie zum Vorschein (*Я вамъ говорю въ послѣдній разъ, скверный мальчишка: выходите!*)!

— Ишь ты, кудахтаетъ, словно насѣдка. Не пужайся! ухмыляясь въ бороду, зашепталъ Ражанцовъ.

— Я и не боюсь, такъ же тихо отвѣчалъ Юрій, хотя въ душѣ побаивался, не вышла-бы изъ этого исторія.

Съ тѣхъ поръ было отыскано средство «отвадить» нѣмку. Друзья употребляли его не часто, боясь доводить ее до крайняго озлобленія, въ которомъ она могла нажаловаться, а разнообразить «отваживаніе» было нечѣмъ. Случай пришелъ имъ на помощь, и въ конюшнѣ созданъ оборонительный союзъ четырехъ противъ фрейленъ.

Ш.

Когда для «Хуртума» было очищено стойло, несмотря на вынесенную къ дверямъ подстилку, «Ершикъ» не хотѣлъ покидать привычнаго мѣста.

— Зашибетъ тебя конь, неосмысленникъ этакій, гналъ его Ражанцовъ.

Но напрасно онъ клалъ «Ершику» куски хлѣба на мѣсто новой подстилки, напрасно, подозвавъ собаку, укладывалъ ее на мѣшокъ и, помахавъ пальцемъ передъ мордочкой, строго приказывалъ: «лежь здѣсь»—при первой возможности «Ершикъ» удиралъ на свое старое мѣсто.

Сначала «Хуртумъ» былъ нѣмного удивленъ присутствіемъ въ своемъ стойлѣ небольшого взъерошеннаго существа. Но, обнюхавъ другъ друга, они быстро познакомились, свыклись и, наконецъ, такъ подружились, что «Ершикъ» неотлучно слѣдовалъ за «Хуртумомъ», какіе бы дальніе пробѣги ни совершалъ его другъ.

Изъ неуклюжаго щенка «Ершикъ» выросъ и сформировался

въ солиднаго пса, преисполненнаго собственнаго достоинства. Его шерсть топорщилась пуще прежняго и жесткіе, колючіе волосы налѣзали на глаза и носъ. Черный дворъ и конюшню онъ считалъ своимъ владѣніемъ, охранялъ ихъ и возвѣщалъ лаемъ о приближеніи посторонняго. Чистый дворъ, окружавшій домъ, сторожилъ старый, заслуженный песъ «Медасъ», помѣсь датскаго дога съ дворняжкой. Онъ былъ глуховатъ и у него уже начинался параличъ зада. Тѣмъ не менѣе, когда «Ершикъ», еще будучи щенкомъ, вздумалъ зайти на его территорію, ветеранъ «Медасъ» такъ бросился на него и такимъ злобнымъ лаемъ провожалъ до начала сада, что «Ершикъ» болѣе не пытался проникать въ чужія владѣнія.

Какъ-бы по молчаливому соглашенію собакъ, длинная полоса сада оставалась нейтральной, въ то время, какъ черный дворъ былъ закрѣпленъ за «Ершикомъ», а чистый, по давно установившемуся обычаю, принадлежалъ «Медасу».

Отлучаясь на обѣдъ, ужинъ и вечерній чай, во время котораго велись на кухнѣ самые длинные и задушевные разговоры, Ражанцовъ поручалъ конюшню бдительности «Ершика».

Вообще «Ершикъ» несъ массу обязанностей. Въ свободное время онъ долженъ былъ развлекать Ражанцова, а иногда и Юрія. Сидя на кровати и болтая ногами, Ражанцовъ подзывалъ къ себѣ «Ершика», клалъ ему на носъ, поплевавъ предварительно, корочку хлѣба и затыгивалъ:

— Прицѣлъ постоянный... Э-ска-дро-о-нъ...

«Ершикъ» застывалъ, боясь моргнуть глазомъ.

— Пли! отрывисто командовалъ Ражанцовъ и собака, взметнувъ носомъ хлѣбъ, ловила его на лету и съ аппетитомъ начинала уплетать.

Потомъ «Ершикъ» прыгалъ черезъ палку или вытянутую впередъ ногу, ходилъ на заднихъ лапахъ, танцевалъ, служилъ, носилъ и подавалъ поноску, здоровался, протягивая лапы.

Изъ специально военныхъ артикуловъ, не входящихъ въ курсъ дрессировки собакъ штатскихъ, «Ершикъ» тоже зналъ немало.

Изображая изъ правой руки винтовку, Ражанцовъ нацѣливался въ собаку, затѣмъ громко восклицалъ:

— Пифъ!—Пафъ!

При послѣднемъ возгласѣ «Ершикъ», какъ подстрѣленный, валится на полъ.

Если подбѣжавшій Ражанцовъ кричалъ «убить!»—песъ застывалъ, вытянувъ лапы и морду, пока вѣстовой не скамандуетъ:

«ожилъ!»; если же ему крикнуть «раненъ» — онъ начиналъ взвизгивать, барахтаться и потомъ схватывался съ радостнымъ лаемъ.

— Непрiятель справа! Непрiятель слѣва! или — непрiятель съ фронта! кричалъ Ражанцовъ, вытянувъ руку впередъ, указывая направленiе. Съ громкимъ лаемъ кидался туда «Ершикъ» и, конечно, не видя врага, описавъ полукругъ, возвращался къ хозяину.

Но самой любопытной была такая картина.

Вернувшись съ ученья или проѣздки, ротмистръ передавалъ свою лошадь Ражанцову. Ослабивъ подпруги, вѣстовой начиналъ вываживать коня.

Съ «Кабардинцемъ» это не удавалось, такъ какъ онъ былъ тупъ и тугоуздъ, но «Хуртума», горячаго подъ всадникомъ, но смирнаго и послушнаго въ поводу, вываживалъ не Ражанцовъ, а «Ершикъ». Можно было наблюдать, какъ Ражанцовъ, потягивая «козью ножку» изъ махорки и пуская клубы дыма, мѣрно шагаль впереди, за нимъ тянулся «Ершикъ», съ убiйственной серьезностью держа въ зубахъ поводъ «Хуртума», и, наконецъ, на свободномъ поводу, вытянувъ граціозно шею, выступалъ красавецъ «Хуртумъ».

Здѣсь пора разсказать о «тайнѣ», связывавшей Юрiя съ Ражанцовымъ.

Въ тѣ дни, когда ротмистръ совершалъ небольшiя проѣздки и лошадь возвращалась домой свѣжей, неуставшей, ускользнувъ за ворота дома, на поле, гдѣ вываживалъ коня вѣстовой, Юрiй начиналъ просить:

— Посади, голубчикъ Ражанцовъ.

— А какъ увидить ротмистръ?

— Не увидить! Ей-Богу, не увидить! Папа сѣлъ завтракать.

— А хрейлинъ? оттягивалъ Ражанцовъ.

— Фрейленъ съ Нютой занимается.... Посади.

— О-охъ, вздыхалъ Ражанцовъ, увидятъ, тоже не похвалятъ... нагорить намъ....

Для вида онъ ворчалъ, а на самомъ дѣлѣ не прочь былъ побаловать своего любимца.

Водрузившись на коня, Юрiй принималъ гордый видъ, вдѣвалъ съ помощью Ражанцова ноги въ путлища ²⁾, такъ какъ стремяна подтянуть высоко, какъ требовалось, не было возможности за

2) Путлицемъ называется ремень, на которомъ виситъ стремя.

отсутствіемъ въ путлищахъ дырокъ, подбиралъ поводъ и опять клянчилъ:

— Отпусти, голубчикъ, немножко!

— Попадешь съ вами, ворчалъ Ражанцовъ, но сдавался и на эту просьбу.

Поводъ былъ пущенъ и, подталкивая коня маленькими ноженками, Юрій заставлялъ его идти трусцою.

Впрочемъ, Ражанцовъ не отставалъ. Сначала скорымъ шагомъ, а потомъ и бѣгомъ слѣдовалъ онъ наравнѣ съ мордой лошади, готовый каждое мгновеніе остановить увлекшагося Юрія.

Эти запретныя катанья были настоящимъ праздникомъ для мальчика. «Кабардинецъ» трясъ и, кромѣ того, былъ тупъ, т.-е. лѣнивъ и неохотно переходилъ въ рысь по требованію маленькаго всадника. Но за то ѣздить на «Хуртумъ» было сплошное блаженство. Отъ одного посыла онъ переходилъ въ мѣрную и мягкую рысь, покачивая на ходу въ сѣдлѣ, точно въ колыбели. Легкое движеніе повода его останавливало, а нажиму вправо или влево онъ повиновался съ удивительной быстротой и податливостью.

— Это лошадь! говаривалъ Юрій, раскраснѣвшись отъ восторга. Это я понимаю! А «Кабардинецъ» что? Точно осель—и не раскачаешь! и на лицѣ его появлялась презрительная мина.

— Что говорить, совкая лошадь, соглашался Ражанцовъ и философски замѣчалъ: и умъ тоже! каждой твари дадено (какъ-бы чловѣку, въ примѣръ) не равно. Кто умный, а кто и съ дурцою... «Хуртума» съ «Кабардинцемъ» не сравнишь... Первый сортъ конь, что и говорить....

IV.

Какъ ни чахла природа Карса, а весна брала свое. Набухли почки и стали развертываться клейкими ароматными листочками. Зазеленѣла трава, и волнистая даль предгорій, обновленная, праздничная, стлалась изумруднымъ, прихотливо скомканнымъ ковромъ. Какъ изступленный звѣрь, ревѣлъ Карсъ-чай въ каменномъ ущельѣ и, вырвавшись въ долину, широко разбѣгался, заливая песчанья и каменистыя отмели.

На заднемъ дворѣ, кое-гдѣ мѣстами покрытомъ зеленой муравой, шла своя жизнь. Дымилась огромная темная куча навоза. Какъ повелитель, гордо расхаживалъ подлѣ нея яркоперый цѣтухъ, чешуйчатыми шпорами разбрасывая навозъ, выклеывая

зерна, по временамъ величественно озираясь на стаю смиренныхъ куръ и бросая имъ отрывочные возгласы. Въ тѣни хлѣва стояла пестрая корова, флегматично отмахиваясь хвостомъ отъ мухъ, вздрагивая кожей и поводя ушами.

Въ противоположномъ концѣ двора, у конюшни, на самомъ солнцепекѣ сушился потникъ, для чего сѣдло было перевернуто на травѣ вверхъ войлокомъ.

Въ то время, какъ въ конюшнѣ, въ присутствіи Юрія, Ражанцовъ производилъ ученіе «Ершику», изъ сада показалась таинственно фигура нѣмки.

Было продѣлано все, что допускало ограниченное пространство конюшни. Оставались упражненія, требующія простора.

— Непріятель съ фронта! крикнулъ Ражанцовъ, указывая на ярко-освѣщенное пространство открытой двери. Съ громкимъ лаемъ «Ершикъ» перепрыгнувъ порогъ, какъ сумасшедшій вынесся на залитый солнцемъ дворъ и вдругъ увидѣлъ крадущуюся фрейленъ. Нѣмка взвизгнула и бросилась назадъ, а «Ершикъ» торжествующимъ лаемъ проводилъ ее до нейтральной полосы сада.

Дѣйствительно ли испугалась нѣмка или это было притворство, но, вбѣжавъ домой, она повалилась въ истерикъ, увѣряя, что противная собака хотѣла искушать, и ее спасла только быстрота ногъ. Къ счастью, она не слышала команды «непріятель съ фронта» и не видѣла жеста Ражанцова, иначе это дало бы ей поводъ заподозрить вѣстового въ науськиваніи.

Исторія эта не прошла безслѣдно, и на слѣдующій день ротмистръ Оскольскій, сядясь въ сѣдло, спросилъ Ражанцова:

— Что это такое вышло вчера съ бонной?

— Такъ что, ваше высоко-бродіе, испугались онѣ, значить, «Ершика» и побѣгли. А песь, извѣстное дѣло, залааялъ, отвѣчалъ запинаясь Ражанцовъ, не отличавшійся особой смѣлостью въ разговорахъ съ начальствомъ.

— Надо его держать на привязи, если онъ кидается, коротко сказалъ ротмистръ, погруженный въ свои мысли.

— Ишь ты, нажаловалась таки, язва, сѣтовалъ потомъ Ражанцовъ Юрію. Гдѣ-жъ нашъ «Ершикъ»-то бросается? На чужого развѣ.... А тутъ вышла такая оказія—какъ на грѣхъ скомандовалъ этто я...

Юрій не выдержалъ и залился, вспоминая, какъ долговязая нѣмка, подобравъ юбки, безъ оглядки улепетывала отъ «Ершика».

— Нѣшто можно такого пса на привязь, все сокрушался Ражанцовъ за своего питомца.

— Да ты не бойся, утѣшалъ его Юрій, папа только такъ сказалъ, онъ забудетъ.

Но случилось такъ, что ротмистръ вспомнилъ о «Ёршикъ»...

Недѣли двѣ спустя послѣ этого разговора, у Оскольскихъ были гости.

Играли въ карты на открытой верандѣ, расположенной въ передней части дома, входъ на которую приходился какъ разъ противъ воротъ, а ужинали въ столовой, слѣдующей за гостиной. Двери изъ столовой въ гостиную и изъ гостиной на веранду были открыты настежь. На верандѣ, на карточныхъ столахъ, въ ожиданіи конца ужина и продолженія игры, горѣли свѣчи въ садовыхъ подсвѣчникахъ, валялись мѣлки и карты. На перила запоздавшій гость бросилъ свое пальто, а жена его повѣсила свою накидку, боа и положила шляпу.

Послѣ ужина ничего не замѣтили, увлекшись картами, но когда надо было собираться по домамъ, начались поиски. Подлѣ веранды на клумбѣ цвѣтовъ отыскали только помянутую дамскую шляпу. Очевидно, вещи были украдены во время ужина. Кто-то предложилъ осмотрѣть дорожки и клумбы — не осталось ли слѣдовъ. На песчаныхъ дорожкахъ ихъ не было, но на мягкой черной землѣ клумбы ясно отпечатались двѣ подошвы ногъ, обутыхъ въ азіатскіе безъ каблукъ чевяки.

— А гдѣ-же «Медасъ»? спросилъ ротмистръ. Бросились къ нему и нашли собаку на задворкахъ, свернувшюся подлѣ своей конуры калачикомъ и вздрагивающею всѣмъ тѣломъ во снѣ.

Завидя огни и толпу людей, онъ съ трудомъ поднялся на свой параличный задъ, поглядѣлъ старческими мутными глазами и, должно быть по привычкѣ, хрипло и беззвучно тявкнулъ.

— Старъ ты сталъ, голубчикъ, поглядѣвъ на него, сказалъ ротмистръ.

На слѣдующій день Оскольскій долженъ былъ ѣхать на охоту, верстъ за пятьдесятъ, къ Саракамышу.

Зная, какъ ротмистръ не любитъ, когда за «Хуртумомъ» увязывается его неизмѣнный другъ, Ражанцовъ, подавая лошадь, заперъ «Ёршика» въ конюшнѣ.

Много разъ случалось такъ, что «Ёршикъ», просидѣвъ чуть-ли не сутки взаперти, будучи выпущенъ на волю, тотчасъ выскакивалъ за ворота, обнюхивалъ землю и, найдя слѣдъ «Хуртума», пу-

скался по немъ вскачь, низко опустивъ голову, втягивая воздухъ и разсматривая ему одному понятныя примѣты. Неоднократно отыскиваль онъ «Хуртума» гдѣ-нибудь на маневрахъ или на дневкѣ за много десятковъ верствъ.

Такъ случилось и теперь. Выпустивъ «Ершика» только ночью погулять немного по двору, Ражанцовъ потомъ его не дозволялся.

— Опять удралъ, бродяга, выругался вѣстовой.

Отсутствовалъ «Ершикъ» двое сутокъ и вернулся, сопровождая «Хуртума». Должно быть охота была неудачна, такъ какъ ротмистръ былъ не въ духѣ.

— Сколько разъ говорилъ я тебѣ не выпускать собаки за мной, крикнулъ онъ раздраженно поджидавшему Ражанцову.

И, уже слѣзши съ коня, добавилъ:

— Посадить его на цѣпь, по крайней мѣрѣ польза будетъ. пусть сторожить домъ, а то безъ толку подъ ногами вертится.

— Слушаю-съ, не смѣя возражать, дрогнувшимъ голосомъ отвѣчалъ Ражанцовъ.

На слѣдующій день, поодаль отъ конуры «Медаса», былъ поставленъ наскоро сколоченный ящикъ, подлѣ него вкопали столбъ, а отъ столба къ забору была натянута, какъ струна, толстая проволока.

— Ну, прошай, дружище, сказалъ Ражанцовъ, когда денщикъ Василій, щелкнувъ карабиномъ цѣпи, пристегнулъ къ ней «Ершика» за ременной ошейникъ. Прощай! Живи на новыхъ мѣстахъ! Онъ круто повернулся, пошелъ къ конюшнѣ и, казалось, быстрымъ движеніемъ руки смахнулъ слезу.

«Ершикъ» рванулся за хозяиномъ и, не понимая, что творится съ нимъ, повисъ на ошейникѣ; потомъ долго рвался выль и лаялъ, какъ бы моля возвратить ему свободу.

V.

Нѣсколько дней Ражанцовъ ходилъ сердитый, хмурый и задумчивый. Потомъ, принявъ серьезный и рѣшительный видъ, выжидалъ удобнаго момента для разговора съ начальствомъ. Однажды, принимая «Хуртума», когда ему казалось, что ротмистръ въ хорошемъ расположеніи духа, онъ внезапно и громко воскликнулъ:

— Разрѣшите доложить, ваше высок-бродіе?

— Что? Что такое? взглянувъ на Ражанцова и замѣтивъ его серьезно-торжественный видъ, спросилъ Оскольскій.

— Неспособно безъ пса, значить, ваше высок-бродіе...

— Неспособно? Какъ это неспособно? удивленно поднялъ брови ротмистръ.

— Такъ что неспособно, сбиваясь заторопился Ражанцовъ, съ котораго сразу соскочила вся рѣшительность и храбрость: неспособно ваше высок-бродіе... долго ли до грѣха... отлучаюсь я...

— Пустяки мелешь, небрежно бросилъ Оскольскій, наконецъ понявшій смыслъ рѣчей своего вѣстового. Запирай на замокъ конюшню, вотъ и все. И, помахивая хлыстомъ, ротмистръ повернулся и сталъ подниматься на ступени веранды.

— Ишь ты! Запирай! буркнулъ Ражанцовъ, когда спина начальства исчезла за дверью. Запирай! Нѣшто на вора замокъ есть?!

До сихъ поръ Ражанцову и въ голову не приходило, что на конюшнѣ можетъ случиться какая либо пропажа. Весь этотъ разговоръ онъ затѣялъ въ надеждѣ, подъ благовиднымъ предлогомъ, выпросить возвращеніе «Ёршика». Безъ «Ёршика» жизнь казалась ему скучной и монотонной. День тянулся безконечно, ночью онъ спалъ тревожно, часто вскакивая и прислушиваясь къ вою вѣтра и ночнымъ звукамъ. Только начиналъ свѣтлѣть востокъ, Ражанцовъ одѣвалъ на босую ногу опорки, замѣняющіе въ солдатскомъ обиходѣ туфли, и направлялся къ конурѣ своего любимца. Ставни дома были плотно заперты. И господа и прислуга спали самымъ сладкимъ предразсвѣтнымъ сномъ.

Завидя Ражанцова издали, «Ёршикъ» рвался къ нему, смѣшивая радостный лай съ жалобнымъ визгомъ, какъ будто сѣтуя о своемъ горькомъ житѣи и перемежая рассказъ радостными возгласами свиданья. Взвившись на заднія лапы, даваясь на ошейникѣ и болтая передними лапами въ воздухѣ, силясь скорѣе броситься на грудь хозяина, прежде чѣмъ Ражанцовъ успѣвалъ отстегнуть карабинъ ненавистой цѣпи, «Ёршикъ» успѣвалъ облизать ему и носъ и щеки и густую рыжеватую бороду.

— Ну-ну! Тише ты! стараясь принять строгій видъ, говорилъ Ражанцовъ; но голосъ его звучалъ ласкою, а лицо расплывалось въ радостную улыбку.

На конюшнѣ сразу становилось оживленно.

«Хуртумъ» ложился очень рѣдко и то въ самую полночь. Заслышавъ издали лай «Ёршика», онъ, пользуясь удлинненнымъ на ночь поводомъ, загибалъ далеко назадъ шею и наклонялъ голову къ землѣ въ ожиданіи друга. Тотъ не заставлялъ долго ждать себя. Опередивъ Ражанцова, стремглавъ влеталъ онъ въ конюшню и

первымъ дѣломъ бросался къ своему другу. Изъявленіямъ нѣжностей не было конца. Облизавъ бархатистый храпокъ коня, «Ершикъ» метался, какъ угорѣлый, по стойлу, шелестя и разбрасывая солому, лавируя между ногъ «Хуртума», бросаясь на мягкую подстилку и ползая по ней, точно плавая по золотистымъ волнамъ.

Подползши къ мордѣ «Хуртума», наблюдавшаго шалости «Ершика», онъ переворачивался вверхъ лапами, въ знакъ изъявленія высшей степени своего собачьяго восторга и любви, а «Хуртумъ» тыкалъ храпомъ ему въ брюхо и дѣлалъ видъ, что хочетъ схватить зубами.

Вдоволь набаловавшись въ стойлѣ «Хуртума», «Ершикъ» навѣшалъ и «Кабардинца», въ это время еще нѣжащагося на мягкой подстилкѣ. Пользуясь беззащитностью лошади, онъ вскакивалъ на ея длинное, плоское къ головѣ и вздутое къ бокамъ живота тѣло и вертѣлся по немъ волчкомъ.

Пока выведенный изъ терпѣнія «Кабардинецъ», кряхтя, вытягивалъ переднія ноги, чтобы встать съ единственной надеждой попочевать собаку копытомъ, — «Ершика» уже и слѣдъ простылъ.

Такъ проходило часа два. Около шести часовъ утра, когда вставала въ домѣ прислуга, Ражанцовъ, уловивъ за ошейникъ «Ершика», велъ его на чистый дворъ и снова сажалъ на цѣпь, отвѣчая на жалобныя повизгиванія собаки:

— Помалкивай, другъ, завтра уже побалуемся...

Самъ Ражанцовъ тоже «помалкивалъ» и прогулки «Ершика» составляли тайну для всѣхъ домашнихъ, не исключая и Юрія.

Считая для себя неприличными нѣжныя чувства, Ражанцовъ тщательно скрывалъ ихъ отъ постороннихъ и не хотѣлъ сознаться въ нихъ даже самому себѣ.

Въ оправданіе чувствъ къ собакѣ, у него явились опасенія воровъ, которыми онъ такъ неудачно хотѣлъ воспользоваться въ разговорѣ съ ротмистромъ, какъ предлогомъ къ возвращенію «Ершика» на конюшню.

И теперь, спуская на зарѣ собаку, онъ оправдывалъ себя: «нѣшто можно такъ сразу, да на цѣпь... съ измальства гулялъ, а таперича на привязь... пообвыкнетъ маленько, тады пусть сидить...»

Юрій тоже былъ опечаленъ, увидѣвъ «Ершика» на цѣпи. Онъ даже пробовалъ выступить въ защиту собаки. Но просьбы его успѣха не имѣли. Неожиданно возразила мать:

— Медасъ совсѣмъ плохъ... Нельзя же, чтобы цвоторялись такіе случаи, какъ съ пропажей пальто и боа. Ты не видѣлъ Ни-

колая Яковлевича? Такъ и не нашла полиція? обратилась она къ мужу.

Впрочемъ, Юрій быстро утѣшился и не пробовалъ возобновлять просьбъ. Какъ умѣлъ, онъ скрашивалъ неволю «Ершика». Послѣ завтрака и обѣда онъ выносилъ ему кусочки, бѣгалъ вдоль проволоки въ сопровожденіи собаки и, подражая голосу Ражанцова, дѣланнымъ басомъ выкривалъ «команды» и заставлялъ «Ершика» продѣлывать свои штуки.

Такъ шло время до осени, и «Ершикъ» уже сталъ привыкать къ привязи, когда случилось происшествіе, взволновавшее весь домъ и перевернувшее судьбу собаки.

VI.

Августъ [былъ на исходѣ. Непомѣрный лѣтній зной выжегъ скудную растительность. Безотрадную картину представляла она! Завыли осенніе вѣтры, закрутили и погнали опавшій листъ деревьевъ и городскую пыль. Дни становились короче и сумрачнѣе, ночи — длиннѣе, гуще и безпросвѣтнѣе.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда на дворѣ стояла темень а вѣтеръ вылъ въ трубахъ, хлопалъ ставнями и шелкалъ желѣзной кровлей, точно кто-то бѣгалъ по ней, въ кухнѣ собралась за вечернимъ чаемъ обычная компанія. Денщикъ Василій, бойкій и франтоватый ярославецъ, Ражанцовъ и кухарка Марья, пришедшая въ эти мѣста за мужем-солдатомъ, схоронившая его и поступившая въ услуженіе.

На полкахъ блестяли, выстроенныя въ рядъ, точно солдаты по ранжиру, кастрюли. Висѣли на гвоздикахъ сковороды, вафельницы, лопатки, вертела и прочая хозяйственная мелочь, а на краю загашенной плиты, точно взволнованный толстякъ, пофыркивалъ и захлебывался мѣдный тульскій самозаръ.

Пили чай за некрашеннымъ, чисто выскребеннымъ еловымъ столомъ, надъ которымъ висѣла на стѣнѣ небольшая лампочка съ жестянымъ рефлекторомъ.

— Говоришь ты, обратилась Марья къ Ражанцову, ставя пустое блюдечко на столъ и кладя подлѣ него побурѣвшій огрызокъ сахара, говоришь, что у васъ замолотки послѣ Покрова?

Ражанцовъ, державшій на растопыренныхъ пальцахъ блюдце съ чаемъ, шумно потягивая изъ него горячую жидкость, поставилъ

блюде на столъ, обтеръ усы, степенно разгладилъ бороду и промолвилъ:

— Какъ же, Максимовна, послѣ Покрова... Съ перваго Спаса, значить, готовить ихъ зачинають. А замолотки послѣ Покрова, потому, какъ овинъ до Покрова отдыхать должонъ...

— Извѣстно дѣло, отдыхать, подхватила Марья: только у насъ замолотки на Оеклу-заревницу... ²⁾). А на Покрова особъ статья... На Покрова овинниковы именины. Пирогъ у насъ пекутъ ему на Покрова, да въ подлазъ кладуть...

— Что-жъ, съѣдаетъ? хихикнулъ Василій, щеголявшій невѣріемъ.

— Какъ когда, отвѣчала Марья, не обращая вниманія на его шуточный тонъ. Ежели съѣсть, значить доволенъ хозяиномъ и овинъ бережетъ, а ежели не тронетъ—худо: гнѣвается, значить.

— Сѣрое необразованье, небрежно бросилъ Василій. Никакого овинника нѣтъ, а просто собака ночью заберется, да и слопаеть пирогъ.

— Умень ты больно! воскликнула задѣтая за живое Марья.

— Извѣстно! не смутился Василій, бывшій о себѣ высокаго мнѣнія. Въ такія несообразности вѣрить не стану...

— Не-со-о-браз-но-сти, сказалъ?

— Ну, да! Видѣла ты овинника, што-ль?

— Видѣла, убѣжденно отвѣчала Марья.

Въ это время со двора, заглушаемый шумомъ вѣтра, донесся лай «Ершика».

— Который разъ «Ершикъ» лааетъ, обратился Ражанцовъ къ денщику. Поди-ка, Василій, погляди. Ворота у тебя-то заперты?

— Ворота заперты, а калитка отперта: вѣстового съ приказомъ жду, нехотя поднялся Василій и вышелъ на дворъ.

Черезъ минуту онъ вернулся и сказалъ:

— Стучить да стонетъ вѣтеръ, вотъ зря и брешеть...

А Марья уже рассказывала.

— Дѣвкой я была еще... И пошла, значить, въ Васильевъ вечеръ ³⁾ въ овинъ, на гумно гадать... Жуть беретъ, прямо волосы шевелятся, а только страсть хочется попытать: въ дѣвкахъ сидѣть али замужъ возмуть...

²⁾ Оекла-зарѣвница—21 сентября.

³⁾ Васильевъ вечеръ—наканунъ Новаго года.

Въ это время на крыльцѣ раздался топотъ ногъ, отворилась дверь и въ ея темномъ пролетѣ показалась сѣрая фигура солдата.

— Вотъ темень-то, сказалъ вѣстовой, здороваясь съ присутствующими и доставая изъ-за обшлага шинели отлитографированную бумагу приказа,

— Едва калитку отыскалъ... Ходилъ вдоль забора, щупалъ, шарилъ, еле набрелъ...

— Почитаемъ! съ важностью сказалъ Василий, имѣвшій обыкновеніе прочитывать всѣ бумаги, прежде чѣмъ подать ихъ ротмистру.

Марья, боясь быть осмѣянной въ присутствіи посторонняго, не пробовала возобновлять разказа объ овипникѣ, встала и принялась прибирать посуду.

Василій развернулъ сѣрый, съ слабо оттиснутыми сѣрыми-же буквами, листъ и принялся читать приказъ вслухъ:

— Де-жур-нымъ по пол-ку по-ру-чикъ Ав-ксен-тье-въ...

— Пойду-ка я, лаетъ «Ершикъ» опять, тревожно сказалъ Ражанцовъ, всталъ, отыскалъ фуражку, кивнулъ присутствующимъ и вышелъ на крыльцо.

Отъ кухонныхъ оконъ шли полосы свѣта, но когда Ражанцовъ минулъ ихъ, то сразу точно нырнулъ въ какую-то темную, непроницаемую для глазъ жидкость. Вынужденный остановиться, чтобы хоть немного привыкнуть къ темнотѣ, онъ сталъ вслушиваться. Вѣтеръ вылъ и свистѣлъ на всѣ лады. Изрѣдка, когда порывы его ослабѣвали, доносился ожесточенный лай и лязгъ цѣпи собаки.

— Ишь ты, какъ рвется. Никакъ въ сторону конюшни лаетъ? Ой, не проста это!

И вдругъ сердце его охватило тяжелое предчувствіе. Не отдавая себѣ отчета, наугадъ бросился онъ въ темноту, палетѣлъ на дерево, выругался, забралъ въ сторону, благополучно пробѣжалъ нѣсколько десятковъ шаговъ, споткнулся о какую-то грядку, упалъ, упершись руками въ сырую и рыхлую землю, и, наконецъ, почти ощупью выбравшись на хорошо знакомую широкую дорогу, ринулся по ней къ конюшнѣ.

Уже вбѣжавъ на черный дворъ, на мгновенье остановившись и не слыша ничего, кромѣ шума вѣтра, Ражанцовъ немного успокоился и укоризненно подумалъ: «съ чего это я!» Шагомъ подошелъ онъ къ конюшнѣ, держа наготовѣ ключъ отъ замка, протянулъ руку и вмѣсто ожидаемой двери вдругъ встрѣтилъ пустое

пространство. И мгновенно, едва онъ инстинктивно успѣлъ простереть надъ головой руку, что-то близко-близко сверкнуло, опустилось, и вмѣстѣ съ этимъ, какъ казалось ему, блескомъ быстрой зарницы, какая-то невыносимо-жгучая и мокрая завѣса заволокла все...

Трилицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

